

Дэвид Линч: Купер вовсе не дьявол, а большой ребенок

Свободная — 1994. — 17 сент. — с. 9.

«СЕГОДНЯ»: Жюри только что завершившегося венецианского кинофестиваля (итоговый репортаж см. на соседней странице), вопреки принятым в фестивальной практике традициям, выбрало себе председателя самостоятельно. Не удивительно, что им стал американец Дэвид Линч — еще недавно самый культовый режиссер мирового кино. Режиссер, фамилию которого интеллектуалы всего мира употребляли в разговорах столь часто, что это начало надоедать даже им самим.

Каждая из картин Линча становилась безусловным событием: «Голова-ластик», «Синий бархат», «Дикие сердцем»; наконец, телесериал «Твин Пикс». Последние два года г-н Линч не давал эксклюзивных интервью, а в Венеции не делал этого тем более: как председатель жюри он не имел права контактировать с прессой. Тем не менее, узнав, что вскоре возможен повторный показ сериала «Твин Пикс» по русскому телевидению, он согласился дать интервью ТВ и газете «Сегодня». Оговорив, что о фестивале — ни слова.

Игорь Мальцев

— Русские старшего поколения остались недовольны вашим сериалом и перестали его смотреть, как только началась мистика, зато люди современные, включая подростков и детей, восприняли его с большим юмором. Вы используете в фильме сугубо американские масскультовские мифы и американские реалии. Как вы сами себе объясняете: почему сериал оказался наваждением для аудитории самых разных стран?

— Что абсолютно определенно — так это то, что все люди обожают загадки. Каждый увлечен тем, что происходит внутри самой загадки, какие странные межличностные взаимоотношения возникают в ее культурной сфере. Загадку в моем фильме олицетворяет лес: все эти темные деревья, которые колышет ветер. Действие почти всех сказок разворачивается в лесу. Лес и есть сказка. Что до молодых людей, они усматривают в неопределенности как таковой значительно больше, нежели поколение старшее, которое закоснело и тяготеет к определенности. То есть если ваша личная антенна находится в полной готовности и принимает сигналы отовсюду, все в порядке и вы легко воспримете самую, казалось бы, чужеродную реальность.

— Я долго спорил со своей дочерью: агент Купер глуп или нет?

— Конечно, нет. Он просто большой ребенок: добрый и всегда воспринимает мир, получающий от взаимодействия нескрываемое удовольствие. Он кажется неадекватным, но у него ум гениального детектива.

— Русское издательство «Вагриус» издало дневники Лоры Палмер и Дэйла Купера, на обложке стоит имя Дженнифер Линч, вашей дочери. Это что, очередная мистификация? Часть тщательно продуманного плана?

— Нет, тайные дневники Лоры Палмер, где при внимательном

прочтении очень многое проясняется, действительно написала Дженнифер. Просто так получились: дочь тогда очень увлекалась имитивными дневниками, а точнее, фиктивными дневниками как жанром литературы. А мистер Скотт Фрост, в свою очередь, сочинил дневники Дэйла Купера, которые тот якобы вел с детства вплоть до того дня и часа, когда его вызвали расследовать таинственное убийство в Твин Пикс.

— Вы довольны фильмом «Твин Пикс: огонь, иди со мной»? (Лента была, в частности, освящена даже горячими поклонниками телесериала. — прим. «Сегодня»).

— Вполне. Я попытался досказать историю Лоры, приоткрыть, что же произошло за считанные дни перед ее гибелью. Кажется, я развенчал все оставшиеся загадки. Особенно я доволен Крисом Айзеком, который, помимо прочего, оказался хорошим артистом.

— В Москве можно зайти в любой крупный музыкальный магазин и увидеть как минимум три-четыре компакт-диска Айзека. Они нравятся русской публике.

— Я использовал его музыку в «Синем бархате», «Диких сердцем», в «Огне», он классный музыкант и композитор, который умудряется не отрываться от корней рок-н-ролла, но в то же время глубоко чувствует балладу. Певец настроения. У него самый выдающийся голос со времен Роя Орбисона.

— Поклонники ждали вашего следующего фильма и дожались «Комнаты в отеле». В России были озадачены, отчего фильм такой странный.

— Это всего три новеллы из многих, которые предполагалось экранизировать. Замыслился целый цикл рассказов о том, что происходит в одном и том же номере гостиницы на протяжении долгих лет. Я сделал как режиссер только две новеллы из трех — первую и третью. Обе сочинены Барри Гиффордом, которого очень ценю.

Первая — слишком абстрактна, так что я понимаю, когда люди говорят: погодите, да что ж там в конце концов творится! Так всегда: стоит сделать что-то отличающееся от привычного, как люди не понимают. Но для меня именно первый сюжет — самый любимый.

— Почему вы, мэтр умного кино, безусловно, один из кумиров мировой эстетствующей общественности, то и дело снимаете для телевидения, от природы безусловно глупого?

— Хороший вопрос. Я сам все время себя спрашиваю, зачем связываюсь с телевидением. Простейшая причина в том, что мой агент работает на стыке кино и ТВ и все время толкает меня: сними для ТВ то, сними это. Но на самом деле где-то глубоко внутри меня жила любовь к самой идее телевидения: посредством его можно рассказывать истории такие длинные и такие сложные, с мириадами сюжетных линий. Но у телевидения есть свой крест: байки, сказки, повести и романы становятся там плоскими, неглубокими. В горячке приходится идти на компромиссы. ТВ не позволяет достойно воплощать творческие замыслы, поэтому я его больше не люблю.

— Хотелось бы увидеть по российскому ТВ ваш документальный сериал «Американские хроники».

— Об этом сериале говорить не хочу. Это целиком предприятие г-на Фроста, я не имею к нему ни малейшего отношения.

— Читающая публика ожидает выхода вашей новой книги «Список семи». Что она из себя представляет?

— Читающая публика может ее не ждать: это вовсе не литература, а большей частью фотографии, которые делал я или кто-нибудь другой во время съемок моих фильмов. Своеобразный фотодневник, который, может быть, будет представлять интерес для тех, кому нравятся мои фильмы. Книга для кофейного столика.